

його сильній, прямолінійній натурі. Гайденко, так би мовити, природний Демократ, і селяни, інтуїтивно відчуваючи це, довіряють йому.

Інша натура в Раденка. Син дрібного шляхтича, він ніколи не знав послідовної й упертої праці, – труднощі його прикро вражають і відштовхують. Ще підлітком він звик верховодити, полюбляє, щоб ним захоплювалися, корилися йому. Це честолюбство як головну рису характеру Гордія автор підкреслює не раз (прийняття пози Наполеона учнем гімназії). Себелюбство й егоїзм, посилена увага до власної особи, до ефектності своєї зовнішності й поведінки роблять Раденка «блискучою» постаттю – і це беззаперечно впливає на жіноцтво. Ганна, яка довгий час знала, поважала, по-товариському любила скромного й непримітного Деміда, познайомившись з Гордієм, палко в нього закохується і стає його дружиною.

Паралельними лініями показано у повісті невпинну пожиточну працю Деміда, його утвердження в своїх принципах і в своєму середовищі – і легковажно-аматорське керівництво економією, що дісталася йому в спадок, Гордієм. Заплутавшись у справах, не порозумівшись із селянами, він врешті викликає власті й каральний загін, який має утихомирити «бунт» селян і утвердити пана Раденка в його недоведених правах на селянську луку. Відбувається сутичка, в якій гине чесний юнак Андрій, Демидів учень. Навіть сільську владу лякає це жорстоке, безглузде кровопролиття. Пробуджує воно й совість «народолюбця» Гордія, на душі якого ще один прихований гріх: зведена ним Оріся, наречена Андрія, яка незадовго перед цим втопилася. Загнаний у глухий кут, Гордій кінчає життя самогубством. Так по-різному склалися й далеко розійшлися шляхи цих різних за вдачею і справжніми прагненнями людей, колишніх нібито товаришів і однодумців.

Провідна думка цих повістей виразно співпадає з твердо виголошеним Франком поглядом на інтелігенцію, яка «повинна бути громадою людей з широким образованием, з виробленим характером, з щирим чуттям до народу; а відтак інтелігенція повинна ідентифікуватися, злитися з народом, повинна стати серед нього як його брат, як рівний, як свій, повинна стати робітником, як він, повинна стати для нього і адвокатом, і лікарем, і вчителем, і радником, і покажчиком в ділах господарських, і добрим сусідом та помічником у всякій нужді. Інтелігенція повинна жити з народом і між народом не як окрема верства, але як невідлучна частина народу. Вона повинна не моральними попівськими науками, але власною працею, власним життям бути приміром народів. Вона повинна, як та культурна освітня закваска, проїняти весь організм народу і привести його до живішого руху, до поступового зросту» [6, 63].

Список використаних джерел

1. Білецький О. Грінченко // Збірник праць у 5 т. – К., 1965. – Т. 2. – 383с.
2. Грінченко Б.Д. До тих, що зостануться: Вибрані твори. – К.: Веселка, 1993. – 398с.
3. Нечуй-Левицький І. Зібрання творів: У 10 т – К., 1965. – Т. 5. – 237с.
4. Пастух Б. Борис Грінченко – безкомпромісний лицар національної ідеї. – Луганськ: Книжковий світ. 2006. – 200 с.
5. Погрібний А. Борис Грінченко: Нарис життя і творчості. – К., 1988. – 360 с.
6. Франко І. Чи вертатись нам назад до народу? // Зібр. творів: У 50 т – К., 1986. – Т. 45. – 148 с.
7. Хропко П. Проза Бориса Грінченка // Грінченко Б. Вибрані твори. – К., 1987. – 586 с.

Summary. The problems of rural intelligentsia are depicted in Boris Grinchenko's «The Sun Rays» and «On The Crossroads». Describing Marko Kravchenko, Demid Gaidenko and Gordiy Radchenko as the main characters of the story the author shows social problems of the society.

Key words: of the story are intelligentsia, idea, activity, aim, educational.

Отримано: 18.09.2012 р.

УДК 821.411.16'06.09

П.Л. Шульк

ФЕМИНИСТСКАЯ ТРИАДА СОВРЕМЕННОЙ ИЗРАИЛЬСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЫ

У дослідженні аналізується специфіка «жіночої прози» в ізраїльській літературі останніх десятиріч. Незалежно від напрямку, стилю, тематики, зображених ситуацій у творах ізраїльських письменниць пропонується синтез старих і нових поглядів на соціокультурну роль жінки.

Ключові слова: гендер, ізраїльська література, іронія, стереотип, фемінізм.

Современная израильская женская литература искушает исследователей своими феминистскими выпадами. Но их желание применить к ней привычные штампы феминистской литературы сталкиваются с невозможностью однозначно определить специфику израильского феминизма.

Многочисленные исследования в этой области позволяют прийти к выводам, что «феминистское движение в Израиле неоднородно»¹ [6, 48]. И дело не только в том, что «Израиль представляет собой поликультурное государство» [6, 49]. Безусловно, можно и нужно говорить о существовании на израильской почве «западной» и «восточной» модели феминизма [6, 49], о феминизме в религиозной среде и в светском обществе [7; 10]. Но специфика израильского феминизма обусловлена не только противоречивостью представлений об этом движении, но и сильной связью израильского общества с национальной традицией, где женщине была отведена определенная роль.

Современная израильская женская проза, которая, к сожалению, остается объектом исследования по преимуществу израильской критики, чьи выводы известны русскоязычному читателю лишь фрагментарно [4; 2], предлагает свою модель феминизма, в которой национальная традиция подвергаясь критическому осмыслению, предстает в новом качестве.

Обратимся к конкретным текстам – речь пойдет о произведениях Либрехт Савион «Комната на крыше» [1], Орли Кагель-Блюм «Тысяча шекелей за рассказ» [3], Шохам Смит «Гваделупе» [8]. Выбор обусловлен не столько значительностью имен (хотя два из них – Либрехт Савион, Орли Кагель-Блюм – широко известны в литературных кругах), сколько специфическим отношением названных авторов к феминистским штампам.

В трех рассказах мы находим новое осмысление привычных стереотипов. И хотя каждая из писательниц подходит к ним совершенно индивидуально, вывод напрашивается общий. Итак – *стереотип первый*.

В гендерной оппозиции мужчина-женщина для женщины и мужчины традиционно отведена своя роль. Ее точно определила Симона де Бовуар, сказав: «общество конституирует мужское/маскулинное как позитивную культурную норму, а женское/феминное – как негативное, как отклонение от нормы, как Другое» [9, 43].

В названных рассказах героини ломают штампы, испытывая на себе возможности мужчин. В рассказе Савион Либрехт хозяйка благополучного еврейского дома решает самостоятельно, без участия мужа, уехавшего на стажировку, организовать пристройку еще одной комнаты на крыше.

Героиня Орли Кагель-Блюм решает самостоятельно решить финансовые проблемы семьи, тем более что «Дом мой похож на развалину, от окон остались одни дыры, кресло в салоне словно расстреляно из автомата, кухня держится на честном слове, мебель покончила с собой» [3, 173].

Доведенная до отчаяния грубостью начальника, несчастная секретарша в рассказе «Гваделупе» вознамеривается отомстить ему, создав условия, позволяющие уже ей повелевать своим врагом.

Кажется, что это традиционный феминистский выбор. Но этот выбор продиктован безысходностью и безвыходностью положений, виновниками которых выступают мужчины. В первом рассказе муж не хочет заниматься пристройкой, считая ее просто женской прихотью. Во втором – глава семьи не утруждает себя поисками решения проблемы безденежья: «*Зайдя домой, я обнаружила мужа, который смотрел видео*» [3, 175]. Более того, он оскорбляет жену как женщину: «*Вдобавок муж назвал меня «сырыми дровами»*» [3, 173]. А что остается делать секретарше, если: «*Ее начальник, чья задница широка, как поля сомбреро, отдал ей распоряжение, чтоб отпечатать, немедленно размножить, пробить дыроколом, подшить, растворимый кофе, две ложки сахара, это все, и чтоб без волынки*» [8, 125]?

И тогда женщины начинают действовать. Когда у героини-писательницы, пытающейся заинтересовать своим профессионализмом работодателей – редакторов разных журналов – ничего не выходит, появляется агрессия, больше характерная для мужской поведенческой модели: «*Или принимает мои условия как есть, или я пойду к вашему конкуренту Авиغدору или куда-нибудь еще. А нет – так подпишите договор на пустом листе. – Я вытащила молоток и скалку и крепко стукнула по столу*» [3, 174]².

Героиня Савион Либрехт, недовольная действиями неопрятных и недисциплинированных строителей-арабов, начинает общаться с ними жестко, даже грубо: «*Завидев их, она крикнула из окна, «передразнила она», «голос ее стал еще визгливее и превратился в крик», «добавила она, спускаясь по ступенькам подчеркнуто энергично, чтобы доказать им, что она полна воинственного пыла, воодушевляющего каждый ее шаг*» [1, 331 – 334].

Агрессия секретарши достигает поистине невиданного размаха, когда ей удается с помощью ксерокса превратиться в собственную гротескно-огромную копию. Ужас, внушенный ею начальнику, пропорционален этим размерам: «даже если бы он сумел преодолеть оцепенение и встать, он едва ли смог бы потереться об ее щиколотки», «Он с ужасом смотрел на шагавшие к нему ноги» [8, с. 126].

Но женщины ощущают пагубность подобной агрессии. Ее недостатки озвучивает писательница из рассказа Орли Кастель Блюм: «Случилось то, чего я боялась. Я подавила своего собеседника. Загнала его в депрессию. Идея внезапно показалась дурацкой от начала и до конца». И действительно, несмотря на то, что редактор (не после ли молотка и скалки?) заявил, что предложение героини ему понравилось, он так и не выполнил свое обещание: «Прошло несколько дней, но никто не позвонил» [3, 175].

В рассказе Савион Либрехт строители-арабы исчезают, оставляя недостроенной комнату, за возведение которой они получили деньги предварительно. Секретарша также не испытывает удовлетворения от своих действий. Она вдруг «попробовала представить себе это ощущение, как это, когда весь мир взбухает у тебя в кармане, как член. Если бы я была мужчиной, сказала она себе, наверняка мне было бы знакомо это ощущение. Трудно объяснить, но она ужасно вдруг обрадовалась, что родилась женщиной, а не мужчиной» [8, 127].

Получается, что женщины ломают сложившийся стереотип поведения, примеряя на себя мужскую поведенческую модель, но ничего кроме разочарования не испытывают. И если бы не ирония, пронизывающая все исследуемые нами рассказы, то произведения оставляли бы гнетущее впечатление. А так – в традициях горького еврейского юмора звучит признание: «И если не угробили ее ребенка, не стащили ее драгоценности и ей самой не сделали ничего плохого, то надо благодарить судьбу и навсегда стереть в памяти эти два зимних месяца, словно их и не было» [1, 314].

Стереотип второй.

В литературе он разрешается образом «женщины, торгующей своим телом ради спасения семьи или иной социальной группы» [4]. Героини рассматриваемых произведений не собираются действовать таким образом, но ситуации, в которых они оказываются, предполагают для них и такую возможность.

В рассказе «Комната на крыше» присутствует только одна женщина – хозяйка дома, которая оказывается в окружении враждебного ей мужского большинства, не желающего пускать ее в свой мир. Фаллические образы, которыми изобилует рассказ, угрожающе предсказывают ее фиаско в попытках действовать по-мужски: это и «деревянные колышки ограды», и «тычинки, выглядывающие из длинных, кокетливо приоткрытых чашечек...», и «водопроводные трубы», а еще «толстые и тонкие железные стержни» «по восемь сантиметров, а не по двенадцать», «вершины кипарисов», «железные столбы» и сам фаллос («он стоял, раздвинув ноги, и мочился на стену, обхватив член ладонью, сосредоточенно глядя вниз, на желтую пенящуюся струйку там, где сходились две стены» [1, 313]). Даже сама строительная идея приобретает для нее особое фрейдистское звучание: «идея уже пустила корни, набрала силу и наполнилась своей собственной, независимой жизнью — так яйцеклетка обхватывает семя — и вот уже зародыш растет, распирает матку, растягивает кожу живота, — как его остановить?» Женщина, знай свое место! А если нет – терпи унижение, скабрзность и хамство: «кто-то крикнул ей с сильным арабским акцентом: «Кобеля ищешь, коспожа?»» [1, 315]. Это пренебрежительное отношение к героине, проявившее себя на первых же страницах рассказа, еще усиливается, когда женщина впускает в дом чужих мужчин и по восточным понятиям становится вседозволенной: «Теперь она совсем беззащитна перед этими троими. Салах исподтишка следил за ней, словно замышлял какое-то коварство. Ахмет ухмылялся ей в лицо, скаля зубы, желтые, как клыки зверя, а новый рабочий, стоя высоко на бетонной перемычке, открыто разглядывал ее» [1, 334]; «Она осторожно спустилась с лестницы и, не успев ступить на землю, услышала громкий гортанный смех. Она покраснела. Так смеются мужчины, когда говорят скабрзности о женщине» [1, 335]. Кульминацией этого «заслуженного наказания» становится сексуальное влечение хозяйки дома к одному из арабов-рабочих³.

Героиня Орли Кастель Блюм даже в мыслях не допускает, что можно воспользоваться преимуществом своей женской природы. Она продает себя профессионально, хотя собеседник и намекает ей на иной характер купли-продажи:

«Это все я вам дам, а что вы мне дадите взамен?

Рассказ в неделю, а вы разве не слышали?

Слышал, конечно, потому и спрашиваю – что вы дадите взамен?» [3, 173].

И все-таки сделка происходит. Место женщины с легкостью занимает ее муж, который с радостью продает себя служащей банка за отсрочку платежа на восемь лет. Заметим, что инициатором этой сделки выступает он сам:

«Если вам что-нибудь здесь нравится, – улыбнулся муж, – берите, не стесняйтесь.

Служащая сразу вступает в игру:

«У вас не найдется несколько ящичков?»» [3, 175].

И только наивная героиня, ничего не поняв, готова искать ящички у соседей, но, выдворенная вместе с дочерью мужем из квартиры и столкнувшись у дома со служащей банка, она, наконец, пытается осознать: «Что вообще происходит? Я не женщина, муж – не мужчина...» [3, 176].

Социальный статус секретарши из рассказа «Гваделупе» уже предполагает женский вариант продажи себя, но он не подходит героине.

Как же все-таки разрешается конфликт традиций и полов в израильской литературе гендерного статуса? В своем стремлении разрушить поведенческие модели женщина пытается действовать как мужчина и терпит поражение. Феминистские штампы воспринимаются ею иронически. Так, героиня рассказа «Комната на крыше» в конце концов с детской коляской (символом женского предназначения) вышагивает по развороченным тротуарам. Писательница чувствует себя спокойной только в минуты общения с дочерью (правда, после посещения кафе и бара). В рассказе «Гваделупе» ирония, соединяясь с фантастикой гротеска, помогает понять, почему героиня «обрадовалась тому, что родилась женщиной, а не мужчиной». Наверное, потому, что только женщина способна на великодушие. Характерны финалы этих рассказов, педалирующих мысль о «возвращении на круги своя».

Секретарша увеличивает ею же уменьшенного начальника до своих размеров, но, заметим – пересоздает его заново по *своему образу и подобию*.

Хозяйка уже наконец-то пристроенной комнаты не посвящает вернувшегося со стажировки мужа во все перипетии строительства

Кастель Блюм, пряча за насмешливой интонацией свою боль и разочарование, не теряет способности «любить редкие мгновения близости между людьми» [3, 176]. Эта мудрость еврейской женщины, познавшей опыт современного феминизма, достойна вывода одного из героев: «...так я и знал, Бог – женщина». А коль так, то феминистская позиция героинь произведений выглядит отрицающе-иронической.

В рассказах разрушаются не только традиционные стереотипы, разрушается и стереотип радикального феминизма, хотя и не предлагается новая модель поведения. Она и так ясна и вкладывается в схему гегелевской триады (тезис – антитезис – синтез). Ведь только отбросив все потуги казаться кем-то другим, т.е. мужчиной, отпустив все комплексы, дав волю чувству и став собой, героини становятся естественными и появляется такая щемящая боль и восхищение, даже восторг, что становится понятно – женщина сильна своей женской природой. Но ее сила определяется не зависимостью от того статуса и места, которое уже назначило ей общество, не жертвенностью, на которую она способна (это **тезис** из старой жизни), не способностью выполнять роль мужчины, на которую ее толкает рефлектирующее сознание и бездеятельность мужчин (этот уже **антитезис** из радикального феминизма), а самостоятельным выбором своего женского места в жизни без зависимости, жертвенности и эпатажа (**синтез**). Этот синтез и предлагает современная израильская женская проза, для которой, если верить Орли Кастель Блюм, не в женщинах дело. «Мне все равно, женская литература, мужская, гермафродитская или кентаврская, – говорит Орли. – Предположим, женская. Ну и что? ... Если человек родился писателем, он пишет...» [5].

Примечания

¹ Обобщенный анализ особенностей феминизма в Израиле см. в статье профессора кафедры речевой коммуникации Пермского государственного университета Овчинниковой И. Г. [1], где используются материалы коллективной монографии под редакцией К.Мисра и М.Рич (Jewish Feminism in Israel. Some Contemporary Perspectives / Kalpana Misra, ed.; Melanie Rich, ed. HBI Series on Jewish Women. Brandeis University Press, University Press of New England, 2003), дающей более полное представление об израильском феминизме.

² Здесь очевиден интертекст. Вспоминается героиня ТаНаХа – Яэль (ивр. – газель, косуля. Именем подчеркивается хрупкость, женственность). В тексте она эшет Хевер Кенит (жена человека Хевера из потомков Каина, племени, сочувствующего евреям). Шатер Яэль находится на нейтральной территории между двумя воюющими сторонами – евреями и войском ханаанского царя Явина под командованием Сисры. Именно в этом шатре пытается укрыться предводитель разгромленного Деборой и Бараком войска Сисру. Яэль ведет себя как гостеприимная хозяйка очага, готовая принять любого страждущего, помочь ему, поит воина молоком, но затем берет кол для крепления шатра, молот и вбивает ему этот кол в голову. Нееврейка из женского сочувствия помогает евреям и удостоивается быть упомянутой в песне Деборы (хотя во всем ТаНаХе мало кто из женщин удостоивается быть поименованным).

³ Об этом, идущем из подсознания, физическом влечении еврейской женщины к арабу-мужчине пишут и Амос Оз («Мой Михаэль», «Кочевники и змей»), и А.Б. Иегошуа («Любовник»). Среди израильтян, читающих и пишущих о литературе, бытует мнение, что в этих произведениях эротическое влечение еврейской женщины к арабу символизирует извечную тягу еврея, долгое время жившего в галуте (в изгнании), к земле Израиля.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Либрехт Савион. Комната на крыше / Савион Либрехт // Пути ветра. Современная новелла Израиля. Перевод с иврита. Предисловия Елены Макаровой и Гершона Шакеда. — М. : Радуга, 1993. — С. 312—338.
2. Литературная панорама Израиля: дайджест / Сост.: Е.Н. Лом.— Екатеринбург : СОМБ, 2007. — 78 с.
3. Кастель-Блюм Орли. Тысяча шекелей за рассказ / Орли Кастель-Блюм // Плоды смоковницы. Современный израильский рассказ : Антология. Перевод с иврита / Сост. Хая Хофман. — Иерусалим, 2002. — С. 173 — 176.
4. Копельман Зоя. О гендерных метаморфозах в ивритской литературе [Электронный ресурс] / Зоя Копельман. — Режим доступа: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/235/kopelman.htm>
5. Кравиц Игорь. Большая маленькая проза [Электронный ресурс] / Игорь Кравиц. — Режим доступа: <http://tarbut-cellcom.zahav.ru/cellcom/literature/article.php?view=362>
6. Овчинникова Ирина Германовна. Особенности феминизма в Израиле: политика, культура, язык / Ирина Германовна Овчинникова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2010. — Вып.5(11). — С. 48-57.
7. Рос Тамар, Гельман Иехуда. Влияние феминизма на еврейскую ортодоксальную теологию [Электронный ресурс] / Тамар Рос, Иехуда Гельман. — Режим доступа: <http://www.machanaim.org/philosof/feminism/t-ros.htm>
8. Смит Шохам «Гваделупе / Шохам Смит // Плоды смоковницы. Современный израильский рассказ : Антология. Перевод с иврита / Сост. Хая Хофман. — Иерусалим, 2002. — С. 125 — 129.
9. Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / Под общ. ред. О. А. Ворониной. — М. : МЦГИ – МВШСЭН – МФФ, 2001. — 416 с.
10. Феминизм + иудаизм = справедливость. Интервью с профессором Джудит Хауптман. — Режим доступа: [Электронный ресурс] <http://booknik.ru/context/all/feminizm-iudaizm-spravedlivost/>

Summary. The article analyzes the specifics of «the female prose» in Israeli literature of the recent decades. Regardless of direction, style, topics, situations depicted in the works of Israeli writers we offer the synthesis of old and new perspectives on social and cultural role of the woman.

Key words: gender, Israeli literature, irony, stereotype, feminism.

Отримано: 19.09.2012 р.